

Глава 19. Медный котёл

Мать. Для меня это слово всегда было лишено всякого смысла.

Я никогда не видел женщину, что дала мне жизнь, ни разу. В доме родственницы не было даже её фотографий. Пару раз я, будто бы невзначай, заводил о ней разговор, но та всегда отвечала одно и то же: она умерла при родах, а перед смертью попросила сестру позаботиться обо мне.

Я долго верил в эту историю. До того самого дня, когда муж второй тётки, перебрав на застолье, не начал хвастаться своей женой, а заодно и упомянул мою мать.

Он забыл, что я дома. Остальные тоже забыли. Я тогда учился в средней школе и из-за температуры не пошёл на дополнительные занятия, а остался делать уроки в своей комнате.

Я стоял у двери и слушал. В тот день комната странным образом разделилась надвое. Воздух был душным, спёртым, словно пропитанным влагой. Взрослые пили и вспоминали прошлое. Их охватило какое-то лихорадочное возбуждение, они будто забыли, кто они и где находятся. Словно алкоголь сорвал с них маски приличия, или же на них повлияло нечто иное, неведомое.

Знаете, бывает, что в комнате, полной людей, внезапно наступает тишина. Говорят, это «ангел пролетел». Услышав это выражение много позже, я всегда вспоминаю тот день. Только я уверен — тогда мимо пролетел вовсе не ангел.

Чем больше они пили, тем веселее становились. Смех и ругань то и дело прорывались сквозь гул голосов. Звуки, то взлетая, то падая, эхом отдавались в гостиной, превращая воздух в нечто вязкое и липкое, отгораживая мою комнату от остального мира.

Я всё ещё чувствовал запах своей комнаты. Незадолго до этого я вымыл пол, и в помещении пахло чистотой, пахло мной.

Я до сих пор помню то, что услышал. Прижавшись к двери, я слышал стук собственного сердца и их тихий шёпот.

— Старшая сестра, конечно, молодец... Даже не знаю, о чём она думала. Словно с ума сошла.

— Её мужик обманул, вот и свихнулась. Понимаешь, её тогда никто удержать не мог. Вы же видели, в каком она была состоянии, совершенно не в себе. Я же говорил, добром это не кончится. Ну вот, посмотрите.

— Помешалась, точно помешалась, — пробормотал кто-то.

Это был голос моей тётки.

Над столом на мгновение повисла жуткая тишина. Лишь лопасти вентилятора продолжали вращаться, все остальные звуки словно иссякли.

Затем какой-то мужской голос крикнул: «Ладно, хватит об этом!» — и они снова принялись пить. Воздух пришёл в движение, и тема так же внезапно исчезла, как и появилась.

После того дня родственница несколько раз пыталась выяснить, не слышал ли я их разговор. Я притворился, что ничего не знаю, и она успокоилась.

Честно говоря, я не был удивлён или разочарован. Я всегда был довольно наблюдательным, и порой по отношению близких ко мне я догадывался, что моя мать жива. Остальное было нетрудно додумать: если человек исчезает навсегда и для родной сестры становится что мёртвый, значит, он совершил нечто неприемлемое.

Оказывается, она сошла с ума и сбежала. Мои догадки были близки к истине.

С тех пор я больше никогда не спрашивал тётю о матери. И только сегодня, только сейчас я вдруг вспомнил, что и у меня она должна быть. В этом видении она говорила со мной, её дыхание и стук сердца гулко отдавались в моих ушах, словно она всё ещё любила меня и хотела вечно быть рядом, оберегая этими самыми первыми, самыми сокровенными звуками жизни.

Но именно эти звуки когда-то столкнули меня в бездну безумия и едва не разрушили мою жизнь.

В голове царил хаос, к горлу подкатывала дурнота. Я не понимал. Неужели она всё это предвидела? Она ведь не хотела мне зла, возможно, она оставила эти звуки, чтобы защитить меня. Но знала ли она? Знала ли она, что едва не погубила меня, что чуть не довела до смерти?

Внезапно меня охватила яростная обида. Она ушла, разве этого было мало? Она просто бросила меня, оставила ребёнком без матери, а потом что? Потом оставила эти звуки! Чего она хотела? Ради чего? Зачем?

Если ты любила меня, ты не должна была обрекать меня на всё это! Ты совершила ошибку и заставила меня нести бремя последствий. За что? Я не просил меня рожать, так за что же всё это свалилось на меня? Почему всегда я?

Я был готов закричать. Я стиснул зубы до скрежета, впился ногтями в ладони. Мне хотелось что-то разбить, проснуться, издать яростный рёв из разорванной глотки, но я не мог.

Под мерное дыхание и глухие удары сердца я открыл рот, но вместо крика из него вырвался лишь тихий всхлип.

Я чувствовал, что эти звуки — её последняя надежда, оставленная мне. Люди

противопоставляют рождение смерти, но ей не удалось вложить свою надежду в новую жизнь.

Она хотела лишь одного — чтобы я жил. Чтобы её ребёнок жил, словно вечно находясь в объятиях матери, рос под звуки её долгого, мерного дыхания. Как я мог винить её в превратностях судьбы?

В моей голове остался лишь один звук. Когда-то мы были связаны кровью, и пусть сейчас я могу коснуться лишь края её одежды, мне так много нужно ей рассказать, столько обид выплеснуть.

Она бы поняла меня, правда? Она была бы рядом, спокойная и надёжная, как её дыхание.

Я так по ней скучаю.

Я так по тебе скучаю.

Мама.

Я потерял сознание.

Эти мысли пронеслись в моей голове, как вспышка молнии. Я отчаянно пытался удержать их, но сознание не выдержало. Перед глазами потемнело, и душа с глухим стуком рухнула обратно в тело.

Чувство умиротворения исчезло без следа. Я мог бы больше не тревожиться, но меня грубо, без всяких церемоний, вырвали из того мира и швырнули обратно — в моё прежнее состояние, полное страха и тревоги.

Боль и дискомфорт волной прокатились по телу. Я с трудом вздохнул и, закашлявшись, окончательно пришёл в себя.

Я почувствовал густой запах травы.

В палатке аромат был не таким сильным. Я открыл глаза и увидел перед собой темноту, но запах свежесломанных стеблей ударил в нос. Воздух был влажным, ночным.

Чувства постепенно возвращались. Я понял, что лежу на чьей-то спине, а чьи-то руки поддерживают меня.

— Опять дёргается, — произнёс тот, кто нёс меня. — Проверь его.

Человек сзади приподнял мне веки. Мои глаза дёрнулись в сопротивлении.

— Очнулся, — сказал он. Моё лицо было мокрым от слёз. Он вытер их тыльной стороной ладони.

Так, понятно. На спине меня нёс Златовласый, а поддерживал Профессор.

Я пошевелился, давая понять, что пришёл в себя. Профессор помог мне слезть. Меня усадили у чего-то похожего на камень. Я долго сидел, прислонившись к нему, прежде чем окончательно прийти в себя.

Спутники присели рядом. Голова болела, тело ломило. Я несколько раз моргнул, выдавливая последние слёзы.

— Что ты видел? — спросил Профессор.

Я кое-как вытер лицо и покачал головой.

Мне не хотелось об этом говорить. Он, видимо, понял это и больше не настаивал.

Я прислонился головой к камню и только тогда понял, что это не камень, а груда припасов, завёрнутых в брезент. Вдали виднелся слабый свет, и в его отблесках я разглядел, что вокруг нас много таких же тюков.

— Где мы? — хрипло спросил я.

— Ты в палатке внезапно изменился, — сказал Златовласый, оглянувшись и понизив голос. — А потом рёв Паствы стал нарастать, и мы заподозрили, что её призвали сюда. Пришлось тебя оглушить и унести.

— Изменился?

— Стал другим человеком, — добавил Профессор.

Он в двух словах описал, что произошло. Как я и помнил, я указал на тёмный угол и сказал, что там женщина, но они никого не видели.

Старина Чэнь хотел было расспросить меня подробнее, но не успел он и рта раскрыть, как я внезапно встал.

А потом я начал совершать странные движения.

По их описанию, я поднял руки и начал чертить в воздухе круги, сначала слева направо, потом справа налево, при этом не отрывая взгляда от одной точки, словно одержимый.

— А потом мы услышали, что приближается Паства, и решили, что хватит тебе тут зарядкой заниматься. Оглушили и утащили, — закончил Златовласый.

Я понимал, что мои действия связаны с тем, что я видел и слышал, но ситуация была слишком странной, а история с голосом матери — слишком сложной, чтобы объяснить её сейчас. Я решил подождать.

— Я понял, что это за дыхание, — сказал я. — Это моя мать... То есть, это звук, который я слышал, когда был в её утробе.

Я ожидал, что это признание произведёт эффект разорвавшейся бомбы. Я и сам бы никогда до такого не додумался. Но они оба даже бровью не повели, словно ничего особенного не произошло.

Я посмотрел на Профессора, потом на Златовласого. Ночь была тёмной, и тусклый свет впереди не освещал их лиц полностью, но я мог представить их выражение. Они смотрели на меня с таким спокойствием, будто хотели сказать: «И ты только сейчас догадался?».

— Вы знали, — констатировал я.

— У нас были лишь догадки, — ответил Профессор. — Подобное уже случалось.

Меня охватила ярость. Хотелось просто взять и пнуть его. Мне было плевать, кто он такой. Я — псих, и если кто-то хочет меня спровоцировать, пусть будет готов к последствиям.

Это что за игры? Скрывать от меня такое до последнего? А если бы я сам не догадался, он бы так и молчал? Какая подлость! Я думал, только Златовласый на такое способен, но, оказывается, Профессор ничем не лучше.

Я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Старина Чэнь, в отличие от своего напарника, выглядел немного виноватым и ничего не сказал.

— Ясно, — наконец буркнул я.

Что ещё я мог сказать? Оба хороши. Говорить с ними мне больше не хотелось.

Профессор почувствовал мой гнев. Мы сидели близко, и после своих слов я демонстративно отодвинулся. Он замер на мгновение, видимо, поняв намёк. Его вздох был тяжёлым, словно он сдержал его в последний момент.

Чего вздыхать? Это мне вздыхать надо.

Я сидел злой, как бойцовый петух, и всё в них меня раздражало. Златовласый пошевелился, и я тут же впился в него яростным взглядом. Он поднял руки в знак примирения.

— На меня не смотри, я тут просто наёмник. Старина Чэнь — босс, что он скажет, то я и делаю.

«Пошёл ты», — подумал я.

Они замолчали. Я ещё немного позлился, но потом почувствовал головокружение и слабость. Прислонившись к припасам, я начал клевать носом. Златовласый смотрел вперёд, а Профессор, заметив моё состояние, легонько коснулся моей руки.

Я всё ещё злился, но упрямиться в такой ситуации было глупо.

— Всё в порядке, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос не звучал сердито, хотя на самом деле я был в ярости. Получилось не очень. В моём тоне явно читалось: «Я не хочу с тобой разговаривать, но делаю вид, что всё хорошо».

Я ещё немного посидел с открытыми глазами, но сонливость одолевала. Странный гул не прекращался, он доносился то слева, то справа. Я был словно в ловушке и невольно поджал ноги.

Так прошло несколько минут. Мы сидели в тишине. Спутники молчали, а я и не собирался начинать разговор.

И вдруг, в одно мгновение, всё стихло.

Я поднял голову и увидел, что они тоже смотрят вперёд. Серое небо засветилось странным, тусклым светом, и в их глазах заплясали языки пламени, вспыхнувшие посреди безлюдной, тихой степи.

— Что там? — спросил я. — Что-то появилось?

Они переглянулись, оценивая опасность. Златовласый что-то прошептал Профессору, и тот кивнул.

— Хочешь посмотреть? — спросил Профессор. — Это может вызвать неприятные ощущения, но на тебя... это должно повлиять меньше, чем на обычного человека.

Раз он сказал, что всё в порядке, я не стал сомневаться. Напарники немного отодвинулись, освобождая мне место, чтобы я мог выглянуть.

Не знаю, когда это произошло, но посреди тёмной степи, примерно в километре от нас, появился исполинский Медный котёл.

Он походил на алхимические печи из фильмов — сплюснутый сосуд, похожий на тыкву-горлянку, отливающий непонятным металлическим блеском. Его украшали неясные узоры, а из горловины валил густой дым, от одного вида которого слезились глаза.

В самом сосуде не было ничего особенного, но он был огромен. Представьте, что вы едете на машине к гигантскому объекту. Вы ещё далеко, но из-за его размеров кажется, что он совсем рядом, что вы стоите у его подножия, и жар от него обжигает вам лицо.

На фоне тусклого неба и бескрайней тёмной степи он возвышался, как столб, подпирающий небеса. Внутри бушевал огонь, и зловещий красноватый свет, пробивавшийся сквозь стенки, окрашивал траву внизу в буро-коричневый цвет.

Стоило мне лишь взглянуть, как кровь бросилась мне в лицо. Казалось, кожа вот-вот лопнет. По телу пробежал электрический разряд, от которого волосы на голове встали дыбом.

Я отшатнулся и, прислонившись к припасам, начал тяжело дышать. Все поры на теле мгновенно покрылись потом. Не прошло и полминуты, как я промок насквозь, словно меня окунули в воду. Я чувствовал, как капли пота стекают по носу. Я провёл рукой по лицу — ладонь блестела от влаги.

— Что это? — я слышал только собственное тяжёлое дыхание, такое громкое, что боялся привлечь внимание того, что было там. — Котёл?

— Так это котёл, — сказал Златовласый.

— А что, вы видите что-то другое?

Голова начала болеть. Боль была не острой, а тупой, словно кто-то осторожно запустил руку мне в череп и медленно ворошил мозг.

Я ударил себя кулаком по виску. Чья-то рука мягко легла мне на голову и начала массировать больное место.

Я опустил руку и поднял глаза. Профессор одной рукой массировал мне висок, не отрывая взгляда от гигантского сооружения. Его движения были такими естественными, что мне стало неловко капризничать.

— Мы видим только очертания, — сказал Златовласый. — Никогда не видели его целиком. Только очень чувствительные люди могут видеть его ясно. Или когда он становится очень сильным, тогда его видят все. Но это как радиация — кто увидел, тот умер.

— А вы... что вы видите? — спросил я.

Профессор продолжал массировать мне голову, но тошнота и головная боль только усиливались. Я не только видел этот Медный котёл, но и с какого-то момента почувствовал во рту странный металлический привкус, словно я лизнул его стенку. Вяжущий, горький вкус металла пропитал все мои вкусовые рецепторы. Я несколько раз сплюнул, но ощущение, будто я держу во рту кусок железа, не проходило.

— Что-то размытое, — ответил Профессор. — Мы видим контуры, чувствуем, что там что-то есть. Но это трудно описать. Как тень в темноте, очень нечёткая.

После их слов я и сам засомневался, действительно ли я вижу этот предмет. Может, что-то обмануло мои чувства, и я просто додумал остальное.

Я остановил руку Старины Чэня, собираясь взглянуть ещё раз. Но он удержал мою голову, не давая повернуться. Я вопросительно посмотрел на него.

— Он выдержит, можно ещё посмотреть, — сказал Златовласый.

— Что? — я тут же передумал. — Что значит «выдержит»?

Тот коснулся моего уха. Я вздрогнул.

— Твои мозги ещё не вытекли через уши, — сказал Златовласый. — Значит, можно смотреть.

— Я не буду, — отрезал я.

Профессор погладил меня по волосам, одобряя моё решение, словно я был маленьким ребёнком. Я понял, что он действительно более мягкосердечный. Златовласый готов был позволить своим товарищам плясать на краю гибели, а Старина Чэнь, казалось, хотел вывести всех, кого привёл, целыми и невредимыми. Он был далеко не таким беззаботным, но и на ответственного лидера походил гораздо больше.

Мы втроём продолжали прятаться за припасами. Металлический привкус становился всё

сильнее. Даже не глядя, я чувствовал, что котёл всё ещё там, и жар от него нарастает, испепеляя ночную степь.

Мы молчали. Профессор ещё немного помассировал мне висок и убрал руку. Мне всё ещё было страшно, и я невольно придвинулся к нему поближе.

Прошло ещё минут десять, и я услышал человеческие голоса.

Они доносились откуда-то с близкого расстояния, как звук из мегафона на уличной ярмарке. Я вздрогнул и инстинктивно схватил Профессора за руку.

— Голоса, — сказал я. Они оба повернулись ко мне. — Кто-то говорит.

Они прислушались, но оба покачали головами.

Я был в отчаянии. Эта ситуация лишала меня всякого чувства безопасности. Они не видели огромный Медный котёл, не слышали громкие голоса. Я был рядом с ними, но в то же время в другом мире. Они остались на поверхности, а я провалился куда-то глубже. Они видели меня, но не видели того причудливого и жуткого мира, что открылся мне.

Я не хотел слушать, что говорят те люди, но я не был глухим. Мозг инстинктивно анализировал звуки.

Я прислушался. Язык был мне незнаком, но по звучанию походил на монгольский.

Я не успел поделиться этим открытием, как по степи пронёсся оглушительный рёв рога, подобный урагану.

Звук был мощным, густым, с глубоким, низким резонансом. Казалось, звуковая волна, как гигантское цунами, пригибает траву к земле. Меня оглушило, мозг будто затрясся в черепной коробке.

Я инстинктивно зажал уши, но звук не изменился. Я несколько раз то зажимал, то отпускал их, и только тогда понял, что он звучит прямо в голове, передаваясь каким-то неведомым образом.

— Это вы слышите? — не выдержал я, зажимая уши. — Рог?

Они оба смотрели вперёд, не реагируя. Я наклонился и схватил Златовласого за плечо. Он повернулся.

Меня словно ударили. Я отшатнулся назад. Лицо напарника изменилось, оно больше не было

прежним. Он всё ещё смотрел на меня, но его черты исказились, превратившись в водоворот краски, словно в видео, где краску капают в воду. Цвета закручивались, смешивались, образуя яркую, гипнотическую спираль.

Я упал на колени, и меня вырвало. Профессор поддержал меня сзади. Краем глаза я увидел, что его лицо тоже изменилось, его черты превратились в абстрактные цветные пятна. Где-то в степи вспыхнул красный свет. Я видел, как они смотрят на меня, и в этих двух водоворотах появились новые узоры, похожие на глаза.

То, что было у них ртом, открывалось и закрывалось. Из краски всплывали пузыри. Я почти видел, как из его рта вылетают материальные звуковые волны, расходясь в воздухе, как круги по воде.

«Да что это ещё такое?!» — в отчаянии подумал я.

Они двинулись ко мне. Я, сидя на земле, пополз назад, не в силах больше смотреть на них. Но они набросились на меня, каждый их жест оставлял за собой цветной шлейф. У меня закружилась голова, и меня прижали к земле.

Я снова наелся земли и травы. Краем глаза я видел, как изменилась и флора вокруг. Раньше трава состояла из отдельных волокон, а теперь начала плавиться, превращаясь в единую красно-коричневую массу, колышущуюся, как ломтики бекона в воде, и издающую слабый запах горелого жира.

Вся степь изменилась, или, может, она всегда была такой. Сухая земля под пальцами походила на обнажённые кости, влажные участки — на трепещущие внутренности. Все живые цвета пульсировали, каждый клочок земли дрожал, словно под ней раскинулась сеть невидимых кровеносных сосудов.

Она была живой. Всё было живым. Вся их жизненная сила воплотилась в этой липкой, бесформенной плоти и жире. Земля, словно фасция, покрывала эту плоть, а паутина тканей окутывала всё вокруг.

Весь мир изменился, или это и был его истинный облик? Мой мозг не справлялся с таким потоком информации. Я зажмурился, пытаюсь потерять сознание, но в этот момент по лицу ударила острая, жгучая боль. Я вскрикнул.

Кто-то со всей силы бил меня по щекам. Я прикусил губу, и рот наполнился вкусом крови.

Этот вкус немного перебил странный металлический привкус. Я с трудом приоткрыл глаза. Всё вокруг плыло, цвета и формы смешались. У меня снова закружилась голова, и меня опять вырвало.

— Держите его, — сквозь звон в ушах я наконец услышал голос Профессора, а не странное бульканье. — Ещё не очнулся.

Мне прилетело ещё две пощёчины. Хотелось материться. Кто-то поднял мою голову и разлепил мне веки, вглядываясь во что-то.

Затем тёплая жидкость хлынула мне в глаза. Всё вокруг окрасилось в красный цвет. Кто-то грубо закрыл мне веки и потёр их. Когда я снова смог открыть глаза, цвета, словно их втянули шприцем, медленно возвращались на свои места, оставляя за собой тонкие шлейфы.

— Вижу! Вижу! — испугавшись новых пощёчин, закричал я.

Я был уверен, что те пощёчины точно отвесил Златовласый. В ушах звенело так, будто лопнули барабанные перепонки.

— Не бейте!

Они остановились. Тот, кто держал меня, отпустил. Я наконец смог перевернуться на спину и, тяжело дыша, смотрел, как их лица постепенно обретают нормальные черты.

Профессор выглядел обеспокоенным. Златовласый, казалось, не волновался, но вскоре и он нахмурился. Я знал, что моё лицо исказилось от ужаса. Я даже видел его отражение в их глазах.

За их спинами что-то было.

Огромный, исполинский Медный котёл теперь был гораздо ближе. Он явно заметил нас. Он присел и заглянул через груды припасов, за которыми мы прятались.

Линии на его брюхе, которые я принял за узоры, стали чёткими. Они несколько раз моргнули и превратились в гигантский глаз. В нём вращались искажённые, яркие цвета, а в центре этого хаотичного водоворота застыл чёрный, не отражающий света зрачок. Он открылся, повернулся и впился в меня мёртвым, пристальным взглядом.

Котёл был живым. И он смотрел на меня.

<http://bllate.org/book/13479/1691371>